

А. В. Андронов (Санкт-Петербург)

О ПРИРОДЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СЕГМЕНТОВ И МИНИМАЛЬНЫХ ЛИНЕЙНЫХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ¹

Фонологические сегменты разных уровней (линейные единицы), наблюдаемые в тексте, обладают разной протяженностью, начиная с нулевой с «фонологической точки» — минимальной линейной единицы, характеризующейся фонологическими признаками оппозитивного типа. Главной процедурой при выявлении минимальных сегментов является установление их границ. Более протяженные сегменты приобретают статус языковых единиц (и образуют свой, более высокий, уровень) благодаря характеризующим их фонологическим признакам контрастивного типа, предполагающим наличие в составе такого сегмента нескольких последовательных элементов, но принадлежащим именно множеству этих элементов как целостному единству. При выявлении таких составных сегментов главным вопросом становится определение создающего их фонологического признака, который одновременно обычно указывает на их центр (гласный для слога, ударный слог для фонологического слова и т. д.) и нередко оставляет в тени границы.

Морфологический критерий в фонологической сегментации позволяет установить минимальную линейную фонологическую единицу (МЛФЕ), характер которой служит для типологической классификации языков на языки «фонемного» и «слогового» строя. Совпадение в термине «слог» двух разных единиц («фонологической точки» языков типа китайского и «фонологической последовательности» языков типа литовского) может служить причиной недоразумений и нестрогих описаний. Действительно, почему мы называем слогом минимальную линейную фонологическую единицу китайского языка? Ведь она получается в результате той же исследовательской процедуры, что

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ №16-18-02042.

и фонема. Получается, что одинаковым способом установленную минимальную единицу в русском языке мы называем фонемой, а в китайском — слогом. Возникает подозрение, что эти единицы называются по-разному из «общих соображений», из-за того, что китайские минимальные единицы внешне (фонетически) похожи на то, что в европейских языках называется слогом, хотя функционально китайские «слоги» кардинально отличаются.

Представляется, что описание должно строиться следующим образом:

1) в результате теста на морфемную границу выделяется МЛФЕ (при этом пока нет фонологической разницы между двумя типами языков);

2) далее анализируются и сопоставляются поведение и свойства этих получившихся МЛФЕ в разных языках, выявляются их функциональные различия, которых несколько.

Так, МЛФЕ языков типа русского исчисляются десятками, а МЛФЕ языков типа китайского — тысячами. С этим связано то, что МЛФЕ первого типа образуют хорошо организованную систему — благодаря богатым парадигматическим отношениям (чередованиям), выявляющим их оппозитивные признаки, а система МЛФЕ второго типа организована слабее (в частности, ее организуют тоны, выступающие в функции оппозитивного признака).

С другой стороны, МЛФЕ первого типа не поддаются дальнейшей функциональной сегментации, а МЛФЕ второго типа функционально могут быть разделены на инициаль и финаль.

Вероятно, есть еще какие-то системные различия. Например, не все МЛФЕ русского языка могут образовывать самостоятельное (знаменательное, ортотоническое) слово, а в китайском все МЛФЕ потенциально могут быть самостоятельными словами.

После установления таких функциональных различий появляются основания утверждать, что анализируемые единицы, хоть они и выделены посредством одинаковой процедуры, — разные (и определяют разный тип языка) и должны, соответственно, обозначаться разными терминами. Термин «силлабема» этимологически заключает в себе ту же идею составности, хотя ее можно понимать и как потенциальную функциональную членимость китайских МЛФЕ на инициаль и финаль. Более удобный термин необходим и для МЛФЕ.

ИНОСТРАННЫЙ АКЦЕНТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОНЕТИКИ РОДНОГО И ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКОВ

Анализ иностранного акцента в русской речи позволяет получить важные результаты не только для практики преподавания русской звучащей речи, но и для фонетической теории. Теоретическое значение исследования иностранного акцента определяется тем, что в нем проявляются скрытые характеристики фонетических систем родного и изучаемого языков. В связи с этим можно вспомнить, какую серьезную роль в области лингвистического анализа отводил Л. В. Щерба «отрицательному» языковому материалу — ошибкам как носителей языка (детей и взрослых), так и иностранцев, изучающих данный язык [Щерба 2002: 71].

Есть немало примеров того, как иностранный акцент подобно «лакмусовой бумаге» проявляет черты фонетики родного языка. В частности, отклонения в интерферированной речи учащихся могут выявить позиционные закономерности родного языка, которые не замечаются самими носителями, а иногда и не отражены в лингвистической литературе.

В описаниях звукового строя японского языка, например, обычно указывается, что твердая и мягкая плавные фонемы реализуются ударными, или хлопковыми звуками [r] и [r']. В фонетической системе русского языка ближе всего к этим звукам дрожащие. Боковые плавные звуки согласно различным исследованиям фонетической системы японского языка в ней отсутствуют. Между тем в японском акценте эти звуки регулярно встречаются: слова *лак* и *рак*, *лук* и *рук*, *лучей* и *ручей*, как правило, произносятся японцами одинаково, причем похоже на первое слово каждой из пар. Основная позиция, в которой происходит ошибочная замена дрожащих на боковые, — позиция абсолютного начала слова. В остальных позициях как на месте [л] — [л'], так и на месте [р] — [р'] чаще всего произносятся [r] и [r']: в парах *столы* — *стары*, *получил* — *поручил* «выбирается» второе слово. Фонетический акцент показывает, что японские плавные фонемы могут реализоваться не только звуками [r] — [r'], но и звуками, похожими на русские боковые.

Нередко «отрицательный материал» дает возможность разграничить то, что «фонетически невозможно» и «лексически не представлено» в языке, то есть определить, случайно ли отсутствие того или иного явления (о понятиях «фонетически невозможно» и «лексически не представлено» см. [Панов 2009: 141–142]). Так, фонетический акцент испаноговорящих в русской речи говорит о фонетической невозможности сочетаний шумных согласных в абсолютном начале слова. Даже двухкомпонентные начальные сочетания русских слов в испанском акценте либо упрощаются, либо произносятся с предшествующей ошибочной гласной вставкой: *[s]ихология (*психология*), *[t]оро-степенный (*второстепенный*), *[e]скажет, *[e]вторник.

Выше приведены примеры, показывающие, что результаты изучения характеристик иностранного акцента в русской речи позволяют дополнить знания о фонетике родного языка учащихся. В то же время анализ иностранного акцента дает возможность увидеть целый ряд особенностей фонетической системы русского языка, которые отличают ее от других языков. Например, отклонения в произношении русских носовых согласных, которые типичны для интерферированной речи иностранцев, указывают на своеобразие функционирования носовых в русском языке. Во многих иноязычных системах носовые подвергаются ассимиляции по месту образования перед последующими шумными, а иногда — и перед последующими сонорными согласными. В акценте носителей испанского, итальянского, венгерского, сербского, китайского, японского и других языков возможны ошибки *ко[m]верт (*конверт*), *и[m]вариант (*инвариант*), *ри[n]ский (*римский*), *ло[n]тик (*ломтик*), *ра[η]ка (*ранка*), *са[m]бат (*санбат*) и другие подобные. На фоне обозначенных отклонений очевидна устойчивость русских носовых, которые почти не вступают в позиционные чередования по месту образования.

Характерный для интерферированной речи носителей большинства языков медленный темп речи и отчетливое произнесение гласных после мягких согласных в конечных заударных слогах заставляет вспомнить положение Р. И. Аванесова об особенностях реализации русских гласных во флексиях [Аванесов 1972: 69–71]. Если звук [и] отчетливо произносится во флексии,

то он воспринимается как реализация только фонемы <и>: ср. *Здесь нет* [пóл'и] — последнее слово однозначно соотносится с женским именем, а не с участком земли. В других позициях восприятие той же реализации иное: ср. *Там* [л'исá] — без контекста нельзя сказать, какую словоформу озвучил говорящий — *леса* или *лиса*. Таким образом, отклонения в иностранном акценте представляют собой важный материал, на основе которого можно судить об особенностях звукового строя родного и изучаемого языков.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для вузов. 2-е изд., стереотипное. М., 2009.

Щерба Л. В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

С. Ф. Барышева (Москва)

МУТАБИЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ)

М. В. Панов в монографии «История русского литературного произношения XVIII — XX вв.» писал: «В языках существуют «мутабильные», изменчивые фонемы» [Панов 1990: 198]. Мутабильной фонемой М. В. Панов называл единицу из нескольких фонем, чередующихся в одной и той же морфеме в зависимости от ситуативно-прагматических факторов. Например, «в начале — середине XIX века мутабильной была фонема <о>. После мягких согласных под ударением она реализовалась гласным [о], но в той же позиции, в высоком стиле, гласным [э]» [Панов 1990: 196].

«Мутабили», как называл их М. В. Панов, — это явление прежде всего первой половины XIX века, и тогда их было три:

«Мутабельная единица <о/э> существовала только для поэтической речи. В бытовой ее не было.

Мутабельная единица <г/γ> была безразлична и для поэтической, и для книжно-научной, и для бытовой речи, и в быту надо было выбирать, как говорить: [г]осподин или [γ]осподин...

Наконец, мутабельная единица <ш/ч> (перед [н], [н']) именно для бытовой речи и была в первую очередь актуальна <...> .

Все эти мутабили жили в голубой системе [период начала–середины XIX века в классификации М. В. Панова — С. Б.] и постепенно снижали в последующих...» [Панов 1990: 201].

Рассмотрим функционирование этих единиц в современной подсистеме церковно-богословской речи. Материалом послужили передачи православной радиостанции «Радонеж» в период за февраль–март 2016 года. Объектом стали передачи разных жанров.

По нашим данным, в православном радиовещании функционируют все три мутабельные единицы, но их функционирование стало предельно лексикализированным.

I. Единица <о/э> в современной православной радиоречи используется и как стилевой маркер, и как смысловозначитель в словах церковной тематики.

1) Стиливым маркером церковно-богословской речи является форма слова *сёстры* как [с'э]стры. Функционирование этой единицы практически в одной языковой единице — обращении **братья и сестры** — подтверждает лексикализацию мутабельных единиц.

При этом, по нашим данным, вариант [с'э]стры не является: а) ни социально закрепленным, потому что варьируется в речи и священнослужителей, и журналистов-ведущих; б) ни жанрово закрепленным (например, оба варианта фиксируются в одном и том же жанре — объявлении).

2) Семантические различия проявились в паре *смирённый* — *смирённый*, употребленной протоиереем Даниилом Каменским в одной фразе для противопоставления этих единиц друг другу: *будучи сми[р'э]нным и сми[р'о]нным* (эфир 02.03.2016).

II. Мутабельная единица <ч/ш> в описываемой подсистеме функционирует, в отличие от данных М. В. Панова, не перед звуком [н], а перед [т] в словах *что* и *чтобы*.

«Книжно-буквенный» вариант [ч'т] был свойствен речи патриарха Алексия II, нередок он и в речи патриарха Кирилла, известный церковный проповедник владыка Антоний Сурожский в проповедях произносил и [ч'т]о, и [ш]то, отдавая явное предпочтение варианту [ч'т]. Многочисленные примеры и из передач современного православного радиоэфира.

Показательно соотношение вариантов в речи известного профессора Московской духовной академии И. А. Осипова (эфир 06.02.2016). Варианты могут существовать в пределах одной фразы: *Все [ш]то называется грехом есть не [ч]то иное, как рана человеку //*. Обратим внимание на фонетический стилиевой диссонанс во фразе *А [шас]-то [ч]то творится*.

III. Мутабельная единица <г/γ> менее активна в церковно-богословской речи. Уже в конце XX века М. В. Панов писал: «Даже в формах одного-единственного слова, где <γ> нашла последнее пристанище, слышится она все реже. Стало распространенным произношение: бо[x], бо[г]а, бо[г]у и т. д.» [Панов 1990: 28]. В современной речи вариант [γ] практически отсутствует не только у мирян, но и у священнослужителей. Словоформы *Бога, Богу, с Богом, слово Господь* звучат со взрывным [г].

Таким образом, мутабельные единицы могут трактоваться как фоностилистический показатель церковно-богословской речи, но их число сократилось до двух — <о/э> и <ч/ш> — и стало лексикализованным. Функционирование мутабельных единиц — пусть и ограниченное — в церковно-богословской речи, в частности в православном радиовещании, может служить одним из аргументов выделения этого вида речи в особый стиль современного русского литературного языка.

Литература

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII — XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1990. 456 с.

ВАРИИРОВАНИЕ ЗВОНКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИДИОЛЕКТА

Способ образования звонких заднеязычных согласных — вариативный параметр общенародного русского языка. Возникает вопрос о его отражении на уровне идиолекта. Материал для ответа на этот вопрос дают идентификационные исследования речи 69 дикторов, проводившиеся в 2003–15 гг. в Тульской ЛСЭ Минюста России. Вариативными оказались все исходные и сравнительные материалы (образцы), содержащие более 10 примеров. Учитывались аллофоны в сильных и слабых по глухости/звонкости позициях: взрывные $[\gamma^{(v)}]$ [[к]/ щелевые $[\gamma^{(v)}/h^{(v)}]$ [[х].

Для каждого диктора определялись доли преобладающих в исходном и сравнительном материале вариантов, и вычислялось относительное отклонение ОО (отношение модуля разности между исходной и сравнительной долями к среднему значению доли). Разбиение множества идиолектов по величине ОО, %:

0–1	1,1–2	2,1–3	3,1–4	4,1–6	6,1–8	8,1–12	12,1–15	15,1–22	22,1–100
21	19	14	6	3	3	0	2	0	4

(Сумма по нижней строке = 72, т. к. в трех случаях из последнего столбца происходит бифуркация речевого поведения.)

Между строками таблицы наблюдается обратная корреляция. В 66 случаях ОО находится в пределах 0,0–7,1%, что намного меньше среднестатистической внутридикторской вариативности (15%). В двух случаях оно приближается к этой величине (12,7%, 15,0%), и лишь в четырех случаях значительно превосходит ее (22,6–99,4%). Таким образом, исследуемое варьирование является достаточно стабильным параметром идиолекта и сильным идентификационным признаком.

В речи 38 дикторов преобладают щелевые варианты, у 31 — взрывные. Для 54 человек имеются данные о происхождении:

$[\gamma^{(v)}/h^{(v)}]$ [[х]	Тульская обл. (24)	Брянск, Смоленск, Рязань, Владивосток (2)
$[\gamma^{(v)}]$ [[к]	Тульская обл. (12)	Москва (2), Псков, Самара, Магадан, Калуга, Минск, Гомель, Краснодар, Черкасы, Одесса, Крым, Баку

(Вариант $[h^{(v)}]$ преобладает в речи СВЕ, уроженца Брянска, и САА, уроженца Смоленска.)

Региональное разнообразие идиолектов с преобладанием взрывных говорит о доминантной роли этих вариантов во внешнем языковом пространстве. О том же свидетельствует характер соотношения между исходными фонограммами и образцами. Официальный характер образца (открыто фиксируемое следственное действие) чаще всего стимулирует повышение доли взрывных вариантов:

Официальные образцы (51)			Неофициальные образцы (18)	
[rʲ] [к] > (40)	[rʲ] [к] < (9)	[rʲ] [к] = (2)	[rʲ] [к] > (7)	[rʲ] [к] < (11)

Кардинальное расхождение между исходным и сравнительным материалом (6 аномальных случаев) обусловлено спецификой коммуникативных ролей или физическим состоянием дикторов. Три случая понижения доли щелевых вариантов:

1) Сотрудник милиции БРВ. Исходный материал — переговоры о фабрикации уголовного дела. В официальном диалоге со следователем играет роль интеллектуала, знатока древней истории и философии (ОО = 12,7%).

2) Бизнесмен, депутат региональной думы ФСМ. Исходный материал — остро конфликтный разговор с бывшим партнером. В официальном образце целенаправленно строит образ уважаемого политика (ОО = 22,6%).

3) Телефонный мошенник СМК. Образец — неофициальная беседа с работником СИЗО. В исходном разговоре играет роль менеджера автосалона (ОО = 15,0%).

Три случая внутрдикторской дифференциации исходных фонограмм:

1) Адвокат ЛОА. Посредник в вымогательстве денег у предпринимателя. Варьирование заднеязычных в переговорах близко к официальному образцу (преобладают взрывные варианты, ОО = 2,0%). Однако в разговоре, сопровождающемся застольем, под воздействием алкоголя артикуляция теряет четкость, доля взрывных убывает, ОО = 28,3%).

2) Телефонный мошенник КСВ. Выступает в роли следователя. Исходные разговоры распадаются на две группы: с сообщником, и с жертвой вымогательства. В первой доля взрывных вариантов несколько меньше, чем в официальном образце (ОО = 2,9%). Во второй она значительно больше (ОО = 32,7%).

3) Телефонный мошенник ИДА. Виртуозно играет роль менеджера автосалона. Исходные разговоры также образуют две группы: с сообщниками, и с жертвами обмана. В первой преобладают щелевые варианты, доля которых практически идентична образцу — неофициальной беседе с работником СИЗО (ОО = 0,3 %). Во второй группе, напротив, господствуют варианты взрывные (ОО = 99,4 %!).

Внутри текстов происходит нерегулярное усиление/ослабление контакта языка с небом, иногда даже в рамках одного слова: [г']e[γ]ама, [γ]осэ[г]замены, [γ]ос[г]арантия, педа[г]о[γ']ическое, [г']еоло[x]. Могут действовать различные экстрафонологические факторы: употребительность лексики ([γ]отов он [г]арцевать); ослабление при повторе (недол[г]о, Андриюш... недол[γ]о; ле[к]че, ле[x]че...); усиление после переспроса (Ты Ожо[γ]а знаешь? — Кого? — Ожо[г]а. С [γ]ри[γ]орьевой там чо? — Чо? — С [г]ри[г]орьевой там чо?); усиление в ходе саморедактуры (у ФСМ: сиплость в [γ]о... в [γ]олосе, в девяносто восьмом [γ]о... [г]оду, мно[γ]о-мно[г]о лет).

В фонологическом пространстве исследованного материала отсутствует позиционная обусловленность или прикрепленность вариантов. Они являются свободными и образуют фонемы ⟨г/γ⟩, ⟨г'/γ'⟩, лишенные ДП способа образования. В варьировании участвуют также гиперфонема ⟨^{г/γ}/_к⟩ и фонема ⟨к⟩ (единицы типа экзамен, где, как бы, и так далее, так же, также).

Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ТЯНИ-ТОЛКАЙ: О ДВУХ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОСТРОЕНИИ УСТНОГО ТЕКСТА

Что может быть банальнее утверждения, что главной движущей силой эволюции языка является принцип экономии? Ср.: в работе языка как живого организма заметно «стремление к экономии сил и нерастрачиванию их без нужды» [Бодуэн де Куртэнэ 1963: 226]; в процессе развития, следуя «естественным законам эволюции», язык движется от более сложных к более простым

способам выражения того же содержания [Спенсер 1986: 172]; «для языковой деятельности характерна тенденция к бережливости», «в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания» [Пауль 1960: 302]; язык постоянно стремится освободиться от лишнего [Passy 1990: 229]; и т. д., и т. п.

О принципе экономии писали многие, отмечая, в частности, его двойственный характер: лингвистическая экономия, являясь, по сути, *деструктивной*, оказывается в то же время и *созидательной*. Именно так, можно предположить, возникли в языке такие явления, как неполные и нечленимые предложения, аббревиатуры и сложносокращенные слова, многие лексические единицы (*Публичка, Ленинка, нетленка*), в том числе маркеры-аппроксиматоры, заменяющие ряд перечисления (*и так далее, и все дела, пятое-десятое*) или чужую речь (*бла-бла-бла, ля-ля-тополя*).

На лексическом и синтаксическом уровнях закон экономии в русском языке действует особенно активно и плодотворно, порождая в результате сжатия, редукции, компрессии звуковой формы одних единиц — другие, новые, находящиеся на разных этапах своего пути к признанию системой языка (деструкция → созидание). На фонетическом уровне наиболее ярким примером такого созидания являются практически лексикализованные редуцированные формы типа *здасьте, щас, тыща* и под.

На текстовом же, дискурсивном, уровне нашей устной речи обнаруживаются явления диаметрально противоположного толка, а именно — абсолютно неэкономное расширение, приращение звуковой формы без всякого приращения смысла («сокращаясь» в одних сферах, язык обычно «расширяется» в других — [Будагов 1972: 17]). Анализ материала Звукового корпуса русского языка позволил выявить разные способы такого приращения, связанные прежде всего с общей неподготовленностью (спонтанностью) устной речи:

1) чисто фонетические средства:

- неречевые фрагменты звуковой цепи (*э-э, м-м*);
- паралингвистические элементы (смех, вздох, кашель, цоканье языком, причмокивание, хлюпанье и под.);
- растяжки гласных и согласных (*у-у нас, н-не надо*);